

После ужина друзья разошлись. Луна ушла с Джинни, а Флёр последовала за своими сокурсницами к карете. Гарри помахал своим товарищам и направился к лестнице, ведущей в гостиную Гриффиндора. На седьмом этаже Гермиона остановила его.

— Гарри... Пошли со мной? Это ненадолго.

— Идем, Гермиона. Нев, мы скоро догоним тебя, — быстро кинул Гарри другу и направился за своей девушкой.

Невилл кивнул и продолжил путь, а Гермиона с Гарри в сторону свернули к комнате для собраний.

— Почему мы здесь, Гермиона?

— Есть свои причины...

Гермиона отвернула угол гобелена и попросила Гарри состоять у стены, пока она открывает Комнату.

Спустя несколько неудачных попыток, Гермиона в конце концов заставила дверь Комнаты явиться взору.

— Давай, Гарри.

Он недоверчиво посмотрел на подругу, но всё-таки вошёл.

— Что за...

Комната больше не была той комнатой для собраний, к которой он привык. Гарри уже давно понял, что она неуловимо менялась каждый раз, когда они её использовали, но всегда оставалась комнатой для встреч. Но теперь... теперь интерьер был настолько далёк от привычной...она была настолько другой, насколько это вообще было возможно. Вместо круглого стола и стульев у стены стоял один письменный стол, в центре комнаты — кровать. Вместо удобных мягких кресел камин — пуф и шезлонг. Почти всю стену занимали книжные полки, заполненные самыми разными книгами: от подключений Жюль Верна до романтических романов. На сводах висели несколько пёстрых плакатов, один из которых, был изготовлен по фотографии Полумны с прошлого лета, на которой они с Дафной стояли над мёртвым Василиском.

— Гермиона...какого чёрта...что это вообще?

— Ну, примерно такой ответ я и ожидала.

Повернувшись к Гарри, она улыбнулась и жестом пригласила его сесть на кровать.

— Я начала думать об этой комнате летом и пришла к нескольким выводам. Очевидно, это не обычная комната Хогвартса. Даже волшебные места не могут с лёту измениться, как это место. Я задумалась, как наши старшие товарищи натыкались на него в разных... обличьях. Да, пусть обличьях, думаю, это подходящий термин: Шива со своим тайником с припасами, Амелия со спальней, Сьюзан с местом для тайных встреч. Когда ты упомянул на Чемпионате Мира, что стены вдруг стали способны поглощать заклинания, когда вам понадобилась тренировочная

площадка, пазл в моей голове сложился. Я пришла к выводу, что есть два основных объяснения: либо в комнату была заложена возможность каким-то образом постепенно изменять свой внешний вид, либо она подстраивается под всякого входящего. В любом случае, требование пройти мимо неё три раза, представляя себе желаемое, — это то, как она улавливает, какой вид ей следует принять.

Гарри осмотрел маленькую спальню, присматриваясь к мелким штрихам, которые придавали ей жизнь и определённый характер.

— Это второй способ? Это же копия твоей спальни.

— Ага. Я подумала, что она отлично подойдёт для достижения обеих целей этого вечера. Прежде всего мне хотелось проверить, сможем ли мы сделать тут перестановку, и это явно увенчалось большим успехом.

— Это очень похоже на тебя, Гермиона. Не могу дождаться, когда увижу твою комнату в реальной жизни. Кстати, плакат — милая детальки.

— Да, ну, это была хорошая фотография...

Гермиона встепянулась и продолжила.

— Я бы очень хотела, чтобы ты увидел её, когда мы вернёмся домой, Гарри. Мне всё ещё нужно представить тебя моим родителям как полагается, а не как в ту суматошную встречу в Косой Аллее несколько лет назад.

— Какая вторая была причина оказаться в твое спальне?

— Гарри... я... я не думаю, как... ой, да к черту! — Она глубоко вздохнула и посмотрела на него, — Гарри, я бы хотела попытаться перевести наши отношения на другой уровень.

У Гарри отвисла челюсть:

— Ннна другой уровень? Что ты имеешь в виду, Гермиона?

Гермиона положила руку ему на щёку.

— Ты знаешь, что я имею в виду, Гарри. Мы встречаемся уже почти год и у нас не было ничего кроме поцелуев. Я знаю, что я не самая красивая в мире...

— Гермиона, ты прекрасна. Мне всё равно, что твои зубы немного великоваты, а волосы немного пушистые, когда ты не пользуешься шампунем, который посоветовала Лаванда. Ты прекрасна, и не отрицай этого.

— Спасибо, Гарри. Пожалуй, я признаю, что ты, по крайней мере, находишь меня привлекательной. Что, кстати, ужасно мило с твоей стороны. Не важно, кто из нас прав в вопросе моих физических качеств, Гарри, я девушка. Я никогда не буду считать себя такой же красивой, какой видишь меня. Да и по сравнению с Дафной я серая мышка. А рядом с Флёр с её сверхъестественной красотой и Тонкс с её способностью изменять любую часть тела, которая её не устраивает, я просто быть невидимкой.

— Гермиона, ты была моей первой подругой. Неважно, привлекательна ли ты, как другие девушки, — для меня это не имеет никакого значения.

— Всё это не имеет никакого значения. Гарри, сейчас ты окружён женщинами, у тебя только пять друзей-мужчин, и двое из них практически вдвое старше нас. Я знаю, что глупо чувствовать себя неуверенно, но у тебя должно быть две семьи, Гарри... я не могу отделаться от ощущения, что могу оказаться где-то сбоку.

— Прекрати

— Я знаю, что ты собираешься сказать, Гарри. И я понимаю и согласна с этим. Но я просто не могу. Я умная и это моё главное достоинство. Но я хочу... хочу чувствовать себя женщиной. Я хочу знать, что ты находишь меня привлекательной. И я знала с тех пор, как мы вступили в отношения, что я, вероятно, буду ведущей, учитывая твоё детство... Я...

...нам не нужно заходить далеко. Но мне бы очень хотелось хотя бы... как сказали бы американцы — добраться до второй базы?

— Я не совсем понимаю, что это значит, Гермиона...

Она вскинула голову, чтобы встретиться с его глазами, и вдруг начала смеяться. Её смех вывел Гарри из себя, и они упали обратно на кровать, истерически хохоча.

— Позволь мне выразить это в более понятных для тебя терминах, мой возлюбленный. Я буду очень рада, если ты потрогаешь мои квоффлы.

— Ого. Это, должно быть, один из самых глупых каламбуров о квиддиче, которые я когда-либо слышал, Гермиона. Хотя... о боже, Дин и Симус уже использовали это раньше!

— Я предполагала, что так и будет. Я не думаю, что в квиддиче есть хорошая отсылка к третьей базе, но мы подойдём к этому вопросу, когда придёт время. Ты поймёшь, если я скажу, что поймала свой снич?

— Я, кажется, не готов к этому, Гермиона.

— Я тоже, любимый. Я тоже, — сказала она, нежно целую его, — Я признаю, что эгоистка и хотела бы быть твоей первой, когда мы будем к этому готовы. — Она оторвалась от его губ и в замешательстве посмотрела вниз. — Гарри?

— Ты любишь меня?

— Да, Гарри. Я люблю тебя. Уже давно.

— Это... Это первый раз, когда кто-то сказал, что любит меня.

Гермиона быстро моргнула.

— Конечно, Шива должна была сказать это в какой-то момент?

— Нет, — Гарри покачал головой с горькой усмешкой.

— На самом деле, она была очень осторожна, чтобы не говорить об этом. — Мы обсуждали это пару месяцев назад, и она сказала, что пока не чувствует, что. Может говорить мне эти слова. Ей казалось, что если она скажет мне, что любит меня, это будет выглядеть так, будто она занимает место моей мамы или что-то в этом роде.

— Я и не подозревала.

— Я тоже люблю тебя, Гермiona Грейнджер.

— Итак... о моих квоффлах...

Гарри посмотрел ей в глаза и сделал долгую паузу.

— Ты действительно уверена, что хочешь этого?

Гермиона закатила глаза и легонько погладила его по щеке.

— Да! Так мне снять рубашку или нет?

Она ухмыльнулась ему, садясь и слегка положив одну руку на живот, так что рубашка слегка приподнялась.

Гарри застонал.

— Ты играешь нечестно, когда дело касается меня, ты знаешь это?

Гермиона кивнула.

— Да, Гермiona, мне было бы очень приятно, если бы ты сняла свою рубашку.

Гермиона потянулась обеими руками вниз и схватила края рубашки. Поколебавшись лишь мгновение, она одним плавным движением подняла её над головой, оставив верхнюю часть тела в одном лишь бюстгальтере. Её лицо было слегка алым, но большая часть неловкости, похоже, была позади. Гермiona осторожно потянулась одной рукой за спину и расстегнула застёжку лифчика, позволив ему упасть на кровать.

Гарри старался не пялиться. Он действительно старался. Но у него не получилось. Его Гермiona была совершенна, а её груди — тем более. Они были среднего размера и такие упругие, что Гарри невольно задумался, зачем ей вообще нужен бюстгальтер. Соски были маленькими, но хорошо заметными.

— Гарри, тебе нужно дышать, милый.

Гарри услышал её слова, но ещё мгновение не мог осознать их. Когда это произошло, он рефлекторно вздохнул и, наконец, смог оторвать взгляд от её груди.

Посмотрев в лицо Гермione, он оскалился и сказал:

— Гермiona, мне всё равно, что скажешь ты или кто-либо другой — ты прекрасна.

Она одарила его обожающей ухмылкой и переползла через кровать так, что оказалась на нём.

Наклонившись к его уху, она прошептала:

— Докажи.
